

МУЛЛАЯН ХАЛИКОВ – СПОДВИЖНИК А.-З. ВАЛИДИ

М. Д. Халиков – председатель СНК БАССР (20-е гг. XX в.) *М. Д. Халиков после ареста в 1937 г.*

В начале сентября 1920 г. в каспийском порту Петровск, ныне это город Махачкала, остановился поезд, следовавший из Баку в Астрахань. В одном из купе находились делегаты прошедшего в Баку съезда народов Востока – А.-З. Валиди, Абдрашид Бикбавов и Муллаян Халиков. По их лицам блуждала тень щемящей сердце грусти, – той, что охватывает при прощании с людьми, с которыми довелось пережить самые отчаянные моменты в жизни. Вождь смотрел на своих сподвижников, пытаясь угадать их мысли, но те сидели, потупив взор. Они не представляли себе, как дальше жить и, главное – действовать без того, за кем, очертя голову, шли сквозь пламя вооруженной борьбы за самоопределение башкирского народа в прошедшие три года. Через много лет Валиди вспоминал: «С этими самыми

близкими друзьями я попрощался в поезде. Повстречаться мне с ними в этой жизни больше не было суждено. Они вернулись в Башкортостан, до последней возможности постарались быть полезными нашему народу...»¹

Муллаян Халиков родился 4 февраля 1894 г. в ауле Актау Богадинской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии (д. Староактау Буздякского района РБ), о чем имеется соответствующая запись в метрической книге Магометанского Духовного Собрания: «Имя ребенка – Мулладжан; отец – новобашкир Давлетшах Ахмадшах-оглы»². Однако в подворной карточке Всероссийской переписи 1917 г. в графе «Национальность» он числится тептяром, а по сословному признаку – припущенником военного звания³. Что означают эти непонятные для непосвященного определения?

Аул Актау был коренным селением башкир-вотчинников рода Канглы, носившим название одной из тюрб Канглинской волости – Актау-Канглы. В результате сложных социальных процессов, часть коренных жителей данной территории оказалась в составе припущенников, т. е. арендаторов вотчинных земель, а затем была записана в состав сословия тептярей. Несмотря на это, башкирская идентичность ими не была утрачена окончательно. После упразднения Башкирского войска в 1865 г., когда каждый был волен выбирать свою этносословную принадлежность, большинство тептярей «татарского», чувашского, марийского и др. происхождения записались либо в государственные крестьяне, либо в мещане. Потомки башкир из числа тептярей самоопределялись либо как «башкиры из тептярей», либо как «новобашкиры», хотя среди последних находились и мишари, имевшие башкирское самосознание. Таким образом, можно заключить, что предки Муллаяна Халикова, по всей видимости, были этническими башкирами, сохранившими память о своем происхождении, а потому определившие себя в качестве «новобашкир». В анкете для делегатов на I Всероссийский съезд

¹ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Кн. 2. Уфа: Китап, 1998. С. 17.

² ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 9. Д. 781. Метрическая книга № 225.

³ Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 680. Л. 123.

национальностей, созванный Наркомнацем 15 декабря 1920 г., в графе «национальность» М. Халиков написал «башкирин»¹.

Для своего времени он получил неплохое образование. В своей автобиографии, написанной в 1922 г., Халиков сообщал: «До 1909 года сначала учился в своей деревне, а потом окончил Рушди-мектеб в селе Килимово, а потом один год учился в Уфе в медресе Усмановых² во 2-м классе Игдади-сыныфа³, а затем окончил в городе Троицке 5-годичное среднее учебное заведение «Вазифа»⁴ по подготовке учителей для мусульманских школ. С 1915 г. до 1918 г. учительствовал сначала в г. Орске (заведующим 6-ти годичным мусульманским начальным училищем, а потом в селе Темясово заведующим районной библиотекой и учителем в 6-ти годичном башкирском начальном училище)»⁵. Как можно заметить, Халиков первоначально скрывал свое участие в башкирском национальном движении на этапе его становления. Хотя именно в этот период проходили всебашкирские курултай (июль, август, декабрь 1917 г.), определившие вектор развития всего Башкортостана. Однако в 1933 г. его позиция изменилась: выступая на заседании Урало-Башкирского землячества в Москве, он нехотя признавал: «В этом периоде, который я хочу охватить своим докладом, меньше всего принимал участие лично, которое заключалось лишь в моем участии в качестве простого делегата с места в курултае в конце 1917 года»⁶. Через 13 лет по окончании Гражданской войны, когда была восстановлена хроника прошедших событий, отрицать участие в работе судьбоносного Учредительного курултая башкирского народа, на котором был провозглашен «автономный Башкурдистан», было бессмысленно.

¹ *Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы в 4-х томах / Автор-составитель Б. Х. Юлдашбаев. Т. 1. Уфа: Китап, 2002. С. 118 (далее НГУБ. – авт.).*

² *Медресе Усмановых действовало с 1887 по 1918 гг. Ныне в его здании размещается средняя школа № 14, расположенная по адресу: ул. Тукаева, 39.*

³ *Игдади-сыныф – значит «подготовительный класс».*

⁴ *«Вазифа» («Обязанность») – частная учительская семинария, открытая в 1915 г. на средства купца 1-й гильдии М. Яушева.*

⁵ *ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 9. Д. 17. Л. 11–11 об.*

⁶ *НГУБ. Т. 1. С. 107.*

После Учредительного курултая, состоявшегося в Оренбурге, вновь образованное Башкирское правительство продолжало оставаться там же, несмотря на то, что город превратился в центр антибольшевистских сил под командованием генерала Дутова. В этих условиях башкирские лидеры пытались придерживаться нейтралитета, причем даже тогда, когда столица уральского казачества была занята советскими войсками. Однако большевики придерживались принципа «кто не с нами, тот против нас». Поэтому 18 февраля 1918 г. Башкирское правительство во главе с А.-З. Валиди было арестовано. В Баймаке, где находился первый отряд (400 чел.) формирующегося Башкирского войска, было проведено экстренное собрание, председателем которого был Х. Габитов¹, а секретарем М. Халиков. Собрание приняло заявление, в котором потребовало от Оренбургского ревкома освобождения членов Башкирского правительства. Той же ночью, по указанию Цвиллинга,² Баймакский Совет вероломно наносит удар: отряд Красной Гвардии атаковал почти безоружный башкирский добровольческий отряд. В результате баймакской трагедии погибло 17 чел.: 5 польских и 2 башкирских офицера – Магазов и Идельбаев, а также 10 солдат. А. Карамышеву³, Г. Альмухаметову⁴ и М. Халикову чудом удалось выскользнуть из Баймака и, тем самым, избежать жестокой расправы. Х. Габитов, присутствовавший при расстреле, описал подробности казни⁵.

Как пишет С. Атнагулов⁶, «военный министр Амир Карамышев спасается бегством и поднимает башкирские селения, и несколько тысяч башкир, вооруженных вилами, дубинами и, отчасти, охотничьими ружьями,

¹ Хабибулла Габитов – член Башкирского национального Совета (Шуро), один из создателей башкирской молодежной организации «Тулкын», поэт. В Башкирском правительстве возглавлял отдел агитации.

² Самуил Цвиллинг – один из организаторов Октябрьской революции, крупный деятель РСДРП (б) на Южном Урале.

³ Амир Карамышев – башкирский дворянин, ветеран 1-й мировой войны. На фронте дослужился до звания корнета. В Народной Армии и Башкирском войске ему был присвоен чин ротмистра. Являлся организатором и командиром 1-го башкирского кавалерийского полка. Умер в августе 1918 г.

⁴ Газиз Альмухаметов – башкирский певец и композитор. Народный артист БАСССР (1928 г.). Расстрелян в 1938 г.

⁵ НГУБ. Т. 1. С. 333.

⁶ Саляхетдин Атнагулов – член возникшей в начале 1918 г. Коллегии по осуществлению Урало-Волжского штата. В апреле был введен в состав татаро-башкирского комиссариата при Уфимском губсовнарком. Расстрелян в 1937 г.

окружают Баймак»¹. Однако их нападение было отбито хорошо вооруженными красногвардейцами. Неудача не обескуражила лихого корнета, и он, установив контакты с казачьими офицерами, начинает вместе с ними готовить дерзкое нападение на Оренбург. Что касается М. Халикова, то после Баймакской трагедии он, скорее всего, отбывает в Троицк до дальнейших распоряжений.

4 апреля 1918 г. небольшой отряд казаков и башкир (700 всадников), которыми руководил А. Карамышев, совершил внезапное нападение на Оренбург. Гарнизон города в несколько раз превосходил нападавшую сторону (5 тыс. чел.), но благодаря эффекту неожиданности партизаны сумели не только освободить членов Башкирского правительства, но и убить Цвиллинга².

После побега из-под ареста было решено небольшими группами инкогнито пробираться в Уфу, поскольку вся территория Оренбургской и Уфимской губерний была занята красными. 7 и 8 апреля 1918 г. в Уфе прошло тайное совещание Башкирского правительства, находившегося на нелегальном положении. В своих «Воспоминаниях» Валиди описывает план действий, который был разработан в те тревожные дни: «Теперь мы не подчинимся им (Советскому правительству. – *авт.*), организуем партизанское движение в горах. 15 мая встретимся с представителями Казахстана (Алаш Орда)³. Сейчас направляем человека в Семипалатинск и просим их (т. е. членов Алаш Орды) прибыть в Кустанай в дом отца литератора Абдуллы Гиматова. Муллаян Халиков поедет в Троицк, затем в Кустанай, где будет ждать нас. Если в Кустанае придем с казахами к единому мнению, с помощью Японии объявим всему миру о положении Туркестана,

¹ НГУБ. Т. 1. С. 103–104.

² Таймасов Р. С. *Участие башкир в Гражданской войне. Кн. 1. В лагере контрреволюции (1918–февраль 1919 гг.)*. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 39–40.

³ Алаш Орда – Казахское правительство, созданное в Оренбурге одновременно с Башкирским в декабре 1917 г.

Казахстана и Башкортостана. Для этого отправим своих представителей во Владивосток»¹.

Итак, А.-З. Валиди пишет о М. Халикове как о преданном и испытанном человеке, которому можно было доверять опасные поручения, не боясь быть арестованным большевиками. Сам он в это время находился в Троицке, где работал в местном Совдепе, ибо отношения между башкирами и Советами еще не были окончательно разорваны. В своей автобиографии Халиков сообщал: «23 марта 1918 года в городе Троицке я записался в коммунистическую партию и до прихода чехословацких банд служил комиссаром по мусульманским делам. По приходе чехословаков убежал из Троицка и мигрировал по разным городам без определенной работы...»² Надо ли говорить, что он намеренно искажал факты, пытаясь скрыть некоторые моменты своей биографии, которые в 20–30 гг. XX в. могли стать прямыми уликами в контрреволюционной деятельности. Весной 1918 г. Халиков действительно находился в Троицке и служил комиссаром по делам мусульман. Однако получив указание Валиди, стал дожидаться его прибытия, чтобы затем вместе ехать в Кустанай.

Прибыв из Уфы в Троицк, А.-З. Валиди остановился у одного хальфы (учителя богословия) из медресе шейха Зайнуллы Расулева. Тут его и нашел М. Халиков. «Отец башкирской автономии» вспоминает: «Распространенные Оренбургским военным комиссариатом объявления о нашем розыске как людей, "бежавших из оренбургской тюрьмы через труп дорого товарища Цвиллинга", висели на стенах домов, я видел и читал их сам. Тем не менее, уверенный в том, что в обличье тунгаурского башкира меня в этих краях никто не признает, я поехал вместе с Муллаяном Халиковым в Кустанай, только сели в разные вагоны»³.

В Кустанае Валиди и Халиков провели переговоры с Алаш-Ордой и некими представителями Уфы и Оренбурга, по всей видимости, эсерами и

¹ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Кн. I. Уфа: Китап, 1994. С. 227.

² ЦИА РБ. Ф. Р-394. Оп. 9. Д. 17. Л.11–11 об.

³ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Кн. I. С. 238.

казаками. На тайном совещании было принято решение об установлении контактов с Ташкентом и Ферганой, а также о развертывании в крае партизанского движения. По его окончании Халиков вернулся в Троицк, а Валиди поехал в центр недавно провозглашенного Яланского кантона с. Тангрикуль (ныне с. Танрыкулово Альменевского района Курганской области), где до него дошло известие о чехословацком мятеже. А.-З. Валиди вспоминает: «Мы восприняли это как начало поражения большевиков. Укрепилась надежда: если, опираясь на партизанские отряды, создадим национальную армию, то сумеем, наконец, изгнать большевиков из своей родины»¹. После чехословацкого мятежа Халиков, конечно же, никуда не «убегал», как было написано им в автобиографии. Он, как и другие члены разогнанного и арестованного Башкирского правительства, по приказу Валиди отправился в Челябинск.

Триумфальное шествие Советской власти по территории бывшей Российской империи остановило мятеж чехословацкого корпуса, вспыхнувший 25 мая 1918 г. Это восстание сыграло выдающуюся роль в консолидации антибольшевистских сил. Большевики поняли, что в башкирском вопросе они перегнули палку, и вот Сталин предпринимает запоздалую попытку привлечь Валиди на сторону Советов, послав к нему С. Атнагулова. Но башкирский лидер наотрез отказывается приезжать в Москву. Вместо этого он отправляется в Челябинск в штаб чешских войск. Чехи оказывают башкирам полную поддержку. «Таким образом, – пишет в своих мемуарах Валиди, – национальное правительство было создано. Сагит Мрясов временно стал его председателем. Абдулла Адигамов, Абдулхак Габитов, Саитгарей Магазов, Муллаян Халиков и я стали членами правительства...»² Воссозданное Башкирское правительство немедленно выпускает обращение к башкирскому народу: «Партия большевиков, уничтожив автономию Туркестана, Казахстана, Кавказа, Крыма, Украины,

¹ Там же. С. 239.

² Там же. С. 243.

Сибири и казачьего населения, наряду с этим погубила провозглашенную вами автономию... В настоящее время чехословаки выгнали большевиков из Сибири... Остались большевики теперь лишь на таких мусульманских территориях, как Казань, Уфа, Симбирск, Оренбург, Туркестан... Теперь мы, башкиры, объединившись с казах-киргизами, туркестанскими мусульманами и казачьими войсками, прогоним их из нашей страны... Вставай башкир, поднимись мусульманин!»¹ Таким образом, отношения с Советской властью были разорваны окончательно и бесповоротно.

Одновременно с Башкирским правительством воссоздаются Временное Сибирское в Омске и так называемый Комуч – Комитет членов Учредительного Собрания – в Самаре. Оба органа претендовали на роль всероссийского правительства, поэтому с ними нужно было налаживать прямые контакты. Для установления союза с эсеровским Комучем отправился М. Халиков. Он договорился с Самарским правительством о снабжении оружием и деньгами башкирских частей, формирующихся на территории Уфимской губернии. Комуч действительно вскоре отпустил 5 тыс. комплектов обмундирования, 1 тыс. винтовок и 10 пулеметов². Вот что писал один из непосредственных участников тех событий: «Самарское правительство по духу казалось ближе башкирскому: оба были "демократическими" и стояли на платформе сохранения завоеваний революции. Самарцы обещали самую широкую автономию башкирам, но, как водится в демократических республиках, окончательное решение вопроса откладывали в долгий ящик – до созыва Учредительного Собрания. Пока же соглашались на «временную» автономию...»³ Тем не менее, вплоть до осени 1918 г. согласительные комиссии, состоявшие из членов Башкирского и Самарского правительств, работали над проектами башкирской автономии. Также было заключено временное соглашение с Сибирским правительством,

¹ НГУБ. Т. 1. С. 518–522.

² Кульшарипов М. М. Башкирское национальное движение (1917–1921 гг.). Уфа: Китап, 2000. С. 160–161.

³ НГУБ. Т. 2. Ч. 1. С. 64.

которое выразило лишь общее намерение признать автономию Башкортостана¹.

В кратчайшие сроки Валиди и его соратникам удалось создать национальное Башкирское войско, которое храбро сражалось против большевиков на различных фронтах Гражданской войны. С башкирами считались все белые правительства, а Советы мечтали перетянуть их на свою сторону. Это производило на окружающие народности потрясающий эффект. Некто, писавший под псевдонимом «мишарское дитя Башкортостана», излагал свои мысли в газете «Башкорт» 1 августа 1918 г.: «Мы, мишари и тептяри, оказавшиеся между этими двумя управлениями (идара)², за кем должны последовать? Мы работали бы совместно с татарами, опираясь на них, но в этих краях они не составляют даже половины нашей численности. Они обращают свой взор на далекую Казань. А там не могут создать ничего нового, не могут организовать силу, о которой что-то можно было бы сказать... Поэтому я считаю, что нам следует последовать за башкирами, которые сегодня своей мощью, силой сотрясают мир, идти с ними вместе. Их лозунг „башкирские земли только тем, кто защищает Башкортостан” сделает таких, как мы, безземельных, земельными; объединившись вместе с ними, мы обретем родину, и это должно считаться большим счастьем! Вот так, друзья мишари и тептяри! Я, конечно, о татаро-башкирах написал бы гораздо больше, но считаю, что об этом даже и не следовало бы писать. Потому что у всех вас на виду: оружие Национального управления – муллы. Оружие Башкирского правительства – штык...»³

Между тем сотрудничество с белыми подходило к концу: в ноябре 1918 г. адмирал Колчак провозгласил себя Верховным правителем России. Все областные правительства, в том числе Башкирское, объявлялись низложенными. Если отсрочки Самары и Омска в вопросе об автономии

¹ Там же. С. 293.

² Имеются в виду Национальное управление тюрко-татар, заседавшее в Уфе, и Башкирское правительство.

³ НГУБ. Т. 1. С. 533.

воспринимались башкирами с известной долей понимания, то упразднение Колчаком их правительства вызвало у них негодование. Это решение оттолкнуло почти все национальные движения от белого движения. Английский советолог Эдвард Карр писал: «Генералы, воспитанные при царях в панроссийских традициях, отвергали какие-либо уступки угнетенным нациям; и в пограничных областях, где преобладали нерусские элементы и где шли решающие бои гражданской войны, этот фактор сильно способствовал победе Советской власти...»¹

Сегодня часто приходится слышать обвинения в адрес национальных правительств башкир, казаков, горцев Кавказа, украинцев, прибалтов, дескать, преследовали свои узконациональные цели, не поддерживали Колчака, Деникина, Юденича. Мол, надо было объединиться и всем миром раздавить большевистскую гадину, и только затем демократически решать свои проблемы. Но дело в том, что в тогдашней России произошла полная сегментация общества, никто никому не верил. Где гарантия, что после победы над красными колчаковская военщина пожелает решать острейший национальный вопрос? Гарантии не было никакой. Это прекрасно понимали и сами так называемые «инородцы», и белые генералы. Перспектива реставрации царских порядков после того, как народ хлебнул свобод Февральской революции, не улыбалась никому. Поэтому, когда большевики пообещали дать народам право на самоопределение, эти самые народы обратили свой лик в их сторону: а вдруг не врут, а вдруг на самом деле дадут свободу?

Коварство и жестокость большевиков были общеизвестны. К тому же между башкирами и красными пролилось слишком много крови. Однако Башкирское правительство решило бросить пробный шар на пути сближения с Советской властью. В конце ноября 1918 г. в Москву выехал Гирей Карамышев, но был арестован уже в Уральской области. Тогда было решено

¹ Карр Э. *История Советской России. Кн. 1: Большевистская революция 1917–1923 гг. Т. 1. М.: Изд-во «Прогресс», 1990. С. 212.*

отправить посланца не в Москву, а в Уфу, чтобы через местных большевиков связаться с Лениным. 15 декабря 1918 г. М. Халиков отправился в путь, который проходил по прифронтовой зоне. Задание было сколь ответственным, столь и опасным. Шли упорные бои между частями Красной Армии и Башкирским корпусом. Обе стороны несли потери и были ожесточены друг против друга. Попадись Халиков в руки какого-нибудь красного командира, без разговоров был бы расстрелян. Узнай белая контрразведка, с какой целью он едет в Уфу, было бы то же самое.

Полтора месяца о Халикове не было никаких известий. В тягостном ожидании башкирские дивизии отбивали атаки превосходящих сил 1-й и 5-й армий красных. Наконец, 4 февраля 1919 г. он дал о себе знать. ЦК партии большевиков получил телеграмму председателя Уфимского губревкома Бориса Нимвицкого следующего содержания: «30 января явился в ревком представитель Башкирского правительства Халиков ... с предложениями признать башкирскую автономию. Ждем указаний...»¹ Ответ Москвы пришел незамедлительно, буквально на следующий день: «Предлагаем не отталкивать Халикова, согласиться на амнистию при условии создания единого фронта с башкирскими полками против Колчака. Со стороны Советской власти гарантия национальной свободы башкир полная... Ленин. Сталин»².

Хронология событий выяснилась позже. Оказывается, Халиков приехал в Уфу через несколько дней после своего отбытия из штаба башкирских войск. Город еще находился в руках колчаковцев, но ожидалось его скорое падение под напором наступающей Красной Армии. Кругом царила неразбериха, связанная с эвакуацией войск гарнизона, дворянства и всех противников большевизма. Поэтому затеряться в губернском центре не представляло особого труда. 31 декабря 1918 г. в Уфу вошли красные. Однако эмиссар Башкирского правительства целый месяц не выходил на

¹ НГУБ. Т. 2. Ч. 1. С. 546.

² Там же. С. 547; Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 50. М.: Изд-во политической литературы, 1970. С. 252.

связь с ними, потому что ждал инструкций от А.-З. Валиди. Спустя четыре года Халиков вспоминал: «Я находился в Уфе, когда в город вступила Красная Армия. Для передачи мне письма, написанного Заки Валиди от имени Башкирского правительства, в котором содержалась настоятельная просьба¹ быть посредником в деле соглашения с советским правительством, ко мне прибыл офицер Утяшев. В письме излагались основные условия, которые ставились Башкирским правительством. Сразу же вслед за этим посланцем для всестороннего ознакомления с тогдашним положением Башкортостана, взаимоотношениями между ним и Колчаком-Дутовым, перейдя фронт, ко мне от Башкирского правительства прибыл Хайретдин Сагитов. После этого я немедленно вступил в контакты с Уфимским ревкомом и реввоенсоветом 5-й армии»².

Итак, Халиков явился в Уфимский ревком 30 января 1919 г., а телеграмма в Центр была отправлена лишь 4 февраля, т. е. через 5 дней после его прихода. Что происходило в течение этого времени? Как показывают документы, все эти дни между Халиковым и уфимскими большевиками шли переговоры. В архиве сохранился протокол следующего содержания: «По открытии заседания Халиков, предъявив свой мандат, как уполномоченный на право внешних сношений, заявляет, что уполномочен правительством Башкирии вступить в переговоры с представителями советского правительства, и оглашает условия:

- 1) Признать башкирскую автономию;
- 2) Предоставить устройство внутреннего управления Башкирии самим башкирам и дать охрану внутреннего порядка башкирским отрядам;
- 3) Оказать помощь в формировании регулярного башкирского войска в количестве одного корпуса до 60 000 войска, которое в случае

¹ Не просьба, а приказ. Эти строки написаны тогда, когда А.-З. Валиди уже носил ярлык контрреволюционера. Поэтому стремление М. Халикова затушевать свое активное участие в башкирском национальном движении вполне объяснимо.

² НГУБ. Т. 2. Ч. 1. С. 565.

соглашения будет выступать против Колчака...»¹

После этого, как пишет сам Халиков, реввоенсовет 5-й армии обеспечил ему переход через линию фронта, и он оказался в расположении 4-го башкирского полка, командование которого под охраной препроводило его в Кананикольск, где находился штаб башкирских войск. После оглашения результатов переговоров с Советами командование приняло решение о прекращении военных действий против Красной Армии, начиная с 8 февраля 1919 г. А уже 18 февраля состоялся официальный переход Башкирского войска и Башкирского правительства на сторону Советской власти. Однако этому предшествовали сложные переговоры в Уфе, во время которых Халиков выдвинул перед представителем Реввоенсовета Республики И. Н. Смирновым и реввоенсоветом 5-й армии следующее условие: «Необходимо принять меры для немедленного решения вопроса о прекращении военных действий и пресечении правонарушений. Вместе с тем придется признать необходимым, чтобы башкирские войска, которые не будут оказывать сопротивления советским войскам, были оставлены при оружии». Но данное условие не было выполнено. Командование 1-й армии в лице Г. Бжешкянца, сделав вид, что ничего не знает о результатах переговоров, разоружило башкирские части и поступало с ними как с военнопленными. В результате чего 1-й кавалерийский полк под командованием Мусы Муртазина, не вынеся оскорблений, разгромил Смоленский пехотный полк красных и ушел обратно к белым.

«Певец башкирской революции» Шейхзада Бабич в те дни написал стихотворение:

Мы встали на сторону красных
Затем, что они — наш оплот.
Они поддержали, признали

¹ НГУБ. Т. 2. Ч. 1. С. 602.

Свободный башкирский народ.

Звучит большевистское слово:

Должна быть любая страна

Свободною и автономной,

Со всеми на свете равна.

А Дутов, Колчак повторяют:

«Хотят автономию взять?»

Нет, лучше уж малым народам

Под дудку буржуя плясать!

Однако после перехода башкирских войск на сторону Советской власти поэт был зверски убит красноармейцами в с. Зилаир. Подобные эксцессы происходили повсеместно. Улаживать дело пришлось уже в Симбирске, где располагался реввоенсовет Восточного фронта, а затем ехать в Москву, чтобы закрепить договоренности на высшем уровне. 26 февраля Сталин в телефонном разговоре с Валиди приглашал приехать его лично. Но вместо себя он отправил все того же Халикова, а также М. Кулаева¹ и А. Бикбавова², а сам приехал несколькими днями позже. 7 марта послы Урала достигли Москвы. Сталин в тот же день отбивает телеграмму Уфимскому и Оренбургскому губкомам партии: «Делегация башкир прибыла в Москву. Башкиры безусловно получают советскую автономию, не определены еще детали, о чем ведутся переговоры. Центральный Комитет обязывает партийных работников внимательно отнестись к нуждам башкирских трудовых масс и помочь им в деле строительства Советов в Башкирии. По поручению ЦК партии Сталин»³. Наконец, 20 марта 1919 г. на заседании СНК РСФСР, проходившем под председательством Ленина, между

¹ Мухаметхан (Мстислав) Кулаев (1873–1958 гг.) – председатель Башкирского правительства в 1918–нач. 1919 гг., ученый-филолог, доктор медицинских наук.

² Абдрашит Бикбавов – адъютант командующего Башкирским войском.

³ НГУБ. Т. 2. Ч. 1. С. 627.

Советским правительством и членами башкирской делегации было подписано Соглашение о советской автономии Башкирии. С советской стороны документ был подписан председателем СНК РСФСР Ульяновым (Лениным), председателем ВЦИК Владимирским, наркомом по делам национальностей Сталиным и секретарем ВЦИК А. Енукидзе. С башкирской стороны – М. Халиковым, М. Кулаевым и А. Бикбавовым. Американский советолог Ричард Пайпс писал: «Чисто формально данное соглашение было далеко зашедшей уступкой Советского правительства. Соглашение подразумевало отказ от проекта объединенной Татаро-Башкирской республики и создание автономного государства с гораздо большим политическим и экономическим самоуправлением, чем то, которое Москва вообще была склонна предоставить своим республикам»¹.

Башкирское войско, которое по мобилизационному плану А.-З. Валиди весной 1919 г. предполагалось довести до 17 тыс. солдат, было расформировано. Одна часть башкирских подразделений была интернирована в Тоцкие лагеря, другая часть была включена в состав дивизий Красной Армии, третья часть, не выдержав унижений, вновь переметнулась к белым. В условиях начавшегося весеннего и, как выяснится позднее, последнего контрнаступления Колчака, Башревком (так теперь называлось Башкирское правительство) был эвакуирован в Саранск. 13 марта белые вторично взяли Уфу, а в течение марта-апреля вся территория Башкирии оказалась под их властью. Теперь вся деятельность Башкирского правительства в изгнании была направлена на создание нового, теперь красного Башкирского войска. Халиков немедленно отбывает в Самару, где находился реввоенсовет Южной группы войск Восточного фронта, в качестве представителя Башкирии. Здесь он пробудет почти целый год, занимаясь приемом и обустройством башкирских солдат. Вот одна из телеграмм Халикова Валиди: «В запасной батальон принято 137

¹ Пайпс Р. Э. *Образование Советского союза: коммунизм и национализм в 1917–1923 гг. // Башкирское национальное движение 1917–1920 гг. и А. Валиди (Зарубежные исследования) / Сост. И. В. Кучумов. Уфа: Гилем, 1997. С. 24.*

перебежчиков башкир. Необходимо командирование политкома для политического воспитания новоприбывших от Колчака башкир. По имеющимся сведениям устанавливается: воюющих со стороны Колчака отдельных башкирских частей нет. Колчаковцами пущены ужасные провокации. Муртазин формирует себе башкирский отряд, ожидается его переход по прибытии на фронт. О существовании ревкома (Башревкома. – *авт.*) не только башкиры в стане Колчака, но и очищенной территории тоже не знают»¹.

Формирование красных башкирских частей шло не слишком успешно по причине недоверия, которое возникло в результате «теплого» приема, оказанного Красной Армией. Опасаясь репрессий, многие солдаты бывшего башкирского корпуса, скрывали свою национальную принадлежность, стараясь смешаться с общей массой военнослужащих. Поэтому штаб Южной группы Красной Армии обратился к солдатам-башкирам с воззванием, очевидно, написанным М. Халиковым: «Вы, скрывая свое башкирское происхождение, тем самым приносите вред Башкирской республике... Все ваши руководители на этой стороне... У нас сейчас имеются созданные башкирские полки... Вы должны влиться в эти полки... В целях обслуживания ваших нужд в г. Самаре организовано представительство Башвоенкомата... С приездом в г. Самару, не боясь никого, должны заявить о том, что вы башкирин, и должны явиться в башкирский батальон. За то, что вы башкиры, никто не имеет права вас преследовать...»² Усилия башкирского представительства возымели действие: в Саранске скопился целый корпус в количестве 10 тыс. солдат и офицеров. И теперь решалась его участь. 13 июня 1919 г. политпред Башревкома Халиков сообщал в очередной телеграмме: «Наши четыре полка выехали в Харьков для несения гарнизонной службы. Ревком, военкомат и штаб бригады скоро выедут в Самару для формирования остальных трех полков»³.

¹ НГУБ. Т. 2. Ч. 2. 2003. С. 36.

² Там же. С. 195.

³ Там же. С. 204.

Башкирские полки, отправленные в Харьков, сразу же были посланы на фронт против Деникина. «Отработка» автономии шла с успехом. Уже в начале июля 1919 г. газета «Известия Башревкома» писала: «Башкиры под Харьковом показали чудеса храбрости. Башкиры доказали, что автономию они сумеют удержать и что они достойны этого». А вот какие сообщения приходили в Саранск, временное прибежище Башревкома, непосредственно с фронта: «Прибывшие из Харькова военные представители передают, что наши полки под Харьковом дрались отчаянно, враг видел в них самого дисциплинированного противника. Настроение в полках воинственное. По словам тех же представителей, башкирские полки дерутся лихо, просто секимбашка»¹.

Находясь в Самаре, М. Халиков решает множество других вопросов. Например, ведет переговоры с Самарским губисполкомом о передаче Башкирской республике Юмран-Табынской волости, выражает протесты Реввоенсовету Восточного фронта по поводу жестокого отношения частей Красной Армии к мирному населению Башкирии. Башкиры, зажатые с двух сторон враждующими армиями, оказались между молотом и наковальней. Белые видели в них изменников, а красные – прежних врагов. Политические счеты усиливались национальной ненавистью. 23 июня политический представитель Башкирии М. Халиков писал: «Отношение красноармейцев 20-й стрелковой дивизии к мирному башкирскому населению крайне бесчеловечно: грабят, бьют, расстреливают мирных башкир и насилуют женщин. В одной только деревне Бала-Четырман расстреляно 5 башкир, среди них 88-летняя старуха. Изнасилованы 8 женщин... В то время, когда башкирские полки... удалены на другой фронт, издевательства, насилия над отцами, матерями, братьями, сестрами башкирских красноармейцев и вообще уничтожение мирного населения другими дивизиями, считающимися товарищами тех же башкир, ясно показывают, что провозглашенная центральной советской властью Башкирская советская республика остается

¹ Там же. С. 229.

на бумаге, и стремление к освобождению приведет к уничтожению башкир обеими воюющими сторонами»¹. Однако будучи дальновидным человеком, в июле 1919 г. Халиков вступает в партию, ибо не мог не понимать, что только членство в партии поможет ему в дальнейшей работе на благо республики.

В сентябре 1919 г., когда Башкирия и весь Урал были очищены от колчаковских войск, Башревком смог, наконец, вернуться на родину и приступить к управлению республикой. Казалось, наступило время мирного созидания. Однако башкирским деятелям очень скоро пришлось убедиться в обратном. Вооруженная борьба сменилась войной иного порядка. Молодая Башкирская Республика подверглась яростной атаке со стороны местных большевиков. Они открыто утверждали, что «Башкурдистан» — это мыльный пузырь и буф для восточных народов². Их приводила в бешенство сама мысль о том, что нацмены, еще вчера считавшиеся людьми второго сорта, вдруг взяли в свои руки бразды правления, да еще и проводят самостоятельную экономическую и социальную политику, противоречащую «военному коммунизму». Результатом этой враждебности стал острейший политический кризис января 1920 г. Доведенный до отчаяния откровенным саботажем председатель Башревкома Харис Юмагулов приказал арестовать местный партактив по обвинению в подготовке переворота. Но результат был обратным: в попытке контрреволюционного мятежа были обвинены сами башкирские деятели. Январский конфликт стал провозвестником смены власти в Башкирской Республике. Все его участники затем были смещены с должностей. К счастью, М. Халиков находился в это время в Самаре и не принимал участия в событиях. Сама судьба уберегла его от репрессий для того, чтобы затем выдвинуть на первые роли в поствалидовской Башкирии.

В конце марта 1920 г. М. Халиков отзывается из Самары и назначается на должность председателя Тамьян-Катайского кантона. В начале мая, словно гром среди ясного неба, его застигает страшное известие: Валиди

¹ НГУБ. Т. 2. Ч. 2. 2003. С. 371.

² Высказывание М. И. Калинина на закрытом совещании Оренбургского губисполкома в сентябре 1919 г.

вслед за Юмагуловым отзывается в Москву, вероятно, навсегда. В Белорецке состоялось закрытое заседание Тамьян-Катайского кантревкома, на котором с докладом выступает сам Халиков. Он резко заявляет, что «отзыв Валидова есть не только полное уничтожение заключенного 23 марта 1919 года Соглашения между РСФСР и Башкирской Советской республикой, но и является нарушением основ и принципов Российской конституции...». В результате Тамьян-Катайский кантревком постановляет: «Просить Башкирский революционный комитет, в случае отказа центра РСФСР признать дальнейшую самостоятельность Башсовреспублики и невозвращения тов. Валидова апеллировать к международному пролетариату всего мира и к III Интернационалу всеми имеющими в распоряжении Башревкома средствами...»¹

Апелляция М. Халикова к III Интернационалу, который сам был марионеткой Кремля, выглядит как крик отчаяния. Отчаяние вполне понятное. Все прошедшие годы А.-З. Валиди был мозговым центром и двигателем башкирского движения, его душой и сердцем, слугой народа и отцом всех солдат башкирской армии, признанным всеми основателем Башкирской республики. И вот его навсегда удаляют из Башкирии. Соратники Валиди почувствовали себя осиротевшими и беспомощными, ведь до этого все было подчинено воле и политическому гению их вождя, который всегда знал, что нужно делать. А чего стоят они без своего Валиди?

В июле 1920 г. в Стерлитамаке состоялся I съезд Советов, закрепивший новую расстановку сил. Враги Валиди ликовали: председателем БашЦИК и СНК республики был избран Г. Шамигулов, ярый противник башкирской автономии и откровенный башкирофоб. Казалось, дни Башкирской Республики были сочтены. В сентябре во время съезда народов Востока в Баку произошла последняя встреча Халикова с Валиди. Затем было тягостное прощание в Петровске. Их дороги разошлись навсегда.

¹ НГУБ. Т. 4. Ч. 1. 2008. С. 227.

Между тем именно с удалением Валиди начался стремительный взлет Халикова по карьерной лестнице. Причина заключалась в том, что после проведенной дебашкиризации органов власти он остался едва ли не единственным, кто пользовался доверием населения. Его переводят в тогдашнюю столицу республики г. Стерлитамак, где он поочередно занимает должности заместителя председателя комитета по трудовой повинности, народного комиссара социального обеспечения, а затем наркома просвещения.

В течение всего 1920 г. территория Южного Урала становится ареной непрерывных народных восстаний против уфимских большевиков и диктатуры Г. Шамигулова в Малой Башкирии. Власть была полностью дискредитирована. На проходившей в те дни конференции уфимской организации РКП (б) Борис Эльцин, лидер местных коммунистов, горько признался: «...замечается полное разложение советской власти, как в самих советах, так и в войсках. Полный паралич власти. Здесь нет слоев, поддерживающих советскую власть. Мы представляем из себя каких-то бонапартиков, оторванных от масс. В Уфимской губернии мы получили полный политический провал... Нужно сделать так, чтобы население было кровно заинтересовано в поддержании Советской власти. Мы находимся на краю гибели. Если это восстание будет подавлено, то следующее более организованное наступление может свергнуть не только нас, но и вообще советскую власть...»¹. Аналогичной была ситуация и в «Малой Башкирии», где Г. Шамигулов, ненавидимый башкирским населением, топил в крови их восстание. Кремль понял, что так дальше продолжаться не может. Поэтому, когда в июле 1921 г. состоялся II съезд Советов Башкирии, во властные органы республики были избраны совсем иные люди: председателем БашЦИК стал комбриг Муса Муртазин, а во главе СНК БАССР был назначен Муллаян Халиков. Одновременно он был избран политическим секретарем

¹ НГУБ. Т. 3. Ч. 2. 2006. С. 557.

Башкирского Обкома партии. Центральную власть не смутило то, что первый был бывшим колчаковцем, а второй – валидовцем. Все равно было не из кого выбирать.

Говоря современной терминологией, Халиков стал главой кабинета министров, т. е. премьер-министром республики. Он на вершине власти. Можно сказать, что наступил его звездный час. А можно сказать, что он взвалил на себя тяжкий крест. Смотря с какой стороны посмотреть на его повышение по карьерной лестнице. Башкирская Республика образца 1920–1921 гг. – это настоящий вулкан. Повсюду полыхают крестьянские восстания, происходят убийства коммунистов, после чего следуют ответные карательные акции большевиков против крестьян и массовые расстрелы. Все это сопровождается страшным голодом и тифом. А тут еще вспыхнула война между властными структурами республики с одной стороны и чекистами – с другой. И вот, в атмосфере всеобщей ненависти одних по отношению к другим и фактически продолжающейся гражданской войны Халиков принимает бразды правления.

По итогам II съезда Советов Башкирии во властные структуры Башкирской Республики было назначено большое число лиц титульной национальности. Значительное число башкир также вступило в партию. Это очень беспокоило шовинистически настроенную часть местных большевиков. Борьбу с так называемой «башкиризацией» советского и партийного аппарата повел вновь назначенный председатель БашЧК Петр Гузаков, прибывший из Омска. Он безапелляционно обвинил всех руководителей республики в национализме и контрреволюции и начал против них борьбу. М. Халиков, отличавшийся бесстрашием и прямоотой, не побоялся бросить вызов всеильной ЧК. На заседании Президиума Обкома РКП (б) он выступил с резким осуждением деятельности Гузакова: «БашЧК не занимается своим прямым делом, а ведет борьбу с Обкомом, БашЦИК и Совнаркомом. БашЧК фактически ведет борьбу с башкирами и с башкирской

беднотой, потому что на каждом шагу агентами ЧК убивается та же башкирская беднота без суда и следствия...»¹

Итак, в чем заключалась, по мнению Гузакова, контрреволюция и национализм руководства Башкирской Республики? Сегодня за свои дела они, пожалуй, заслужили бы эпитет «крепких хозяйственников». Они всего-навсего пытались остановить грабеж республики продовольственными и другими органами Центра, представители которого, не будучи связанными с местным краем, лезли из кожи вон, чтобы выполнять немислимые наряды на продовольствие и топливо, требуемые Москвой. Напротив, башкирские руководители из всех сил старались в первую очередь накормить голодающее население своей республики, идя на всяческие уловки, чтобы оставить продовольствие в республике. Член БашОбкома Зудов на одном из заседаний Обкома партии заявляет: «Башкиры имеют привычку только брать, но не давать. Конечно, им не нравится то, что русские коммунисты работают не только для Башкирии, а в общем для революции»². Вот в этом и заключается корень всех противоречий: башкирские руководители не хотели обдирать народ как липку ради громких и, к сожалению, пустых слов о мировой революции. Зудов же и ему подобные в порыве собачьей преданности готовы были пустить всех по миру ради одобрительной реакции Центра. Последствия такой политики не заставили себя долго ждать: в 1921 г. в республике разразился страшный голод. Голодало почти исключительно башкирское население, разоренное в течение двух лет Гражданской войны.

На фоне этой гуманитарной катастрофы особенно дико выглядела чистка партии, устроенная по инициативе Гузакова, Зудова и других деятелей антибашкирской оппозиции. Из более чем 900 чел., исключенных из рядов РКП (б), 70 % составляли башкиры. Это дало основание башкирским коммунистам заявить, что чистка проводится исключительно по национальному признаку. Для чего проводилась эта зачистка? Дело в том,

¹ ЦАОО РБ. Ф. 22. Оп. 5. Д. 6. Л. 102.

² Там же. Л. 105 об.

что, пользуясь голодом, выкашивавшим целые волости, в Башкирию хлынул поток переселенцев на освободившиеся земли из других губерний России. Башкирские коммунисты по возможности пресекали незаконный захват башкирских земель. Поэтому их нужно было исключить из партии. Что и было сделано. Однако Халикова устранить не смогли, благодаря вмешательству уполномоченного из Москвы.

Кремль не мог спокойно взирать на происходящее в Башкирии: голод, непрекращающееся повстанческое движение, перегибы в национальной политике грозили окончательно отвратить от Советов тех немногих башкирских деятелей, которые еще сохраняли лояльность Центру. Во избежание нового вооруженного конфликта, в январе 1922 г. была созвана V Башкирская конференция РКП (б), в итоговом документе которой говорилось: «...часть партийной организации оказывалась под влиянием русификаторских элементов, которые недооценивали чрезвычайное значение применения нашей тактики и работы к национальным и экономическим особенностям [Башкирии]...»¹. Только после нормализации внутривластной ситуации в республике глава СНК М. Халиков и председатель БашЦИК М. Муртазин смогли приступить к ликвидации последствий голода. К спасению голодающих ими была привлечена Американская администрация помощи (ARA — American Relief Administration), которая завезла из-за границы в Башкирию 1 млн 800 тыс. пудов продовольствия и хоть в какой-то мере сумела смягчить катастрофу. Ими также была организована поставка продуктов из Средней Азии.

В 1922 г. на повестку был вынесен вопрос о так называемой Большой Башкирии. Башкирская Республика образца 1919 г. была образована в пределах Малой Башкирии, включавшей в себя горнолесные районы Южного Урала и башкирское Зауралье. Здесь проживало 400 тыс. башкир. Однако на территории Уфимской губернии их проживало еще больше – около 700 тыс. Поэтому встал вопрос о соединении двух частей исторической Башкирии.

¹ ИГУБ. Т. 4. Ч. 1. 2008. С. 511.

Образование Большой Башкирии путем слияния Малой Башкирии с Уфимской губернией задумывалось еще А.-З. Валиди. После его удаления из Башкирии этот вопрос активно поднимался перед Центром руководителями республики, в том числе М. Халиковым, который сам был башкиром Уфимской губернии. Поэтому вполне понятно его желание соединить свою малую родину с Башкирской Республикой. Но все же решающую роль в положительном решении данного вопроса сыграло движение за присоединение к автономии, развернувшееся среди крестьян Уфимской губернии в 1920–1921 гг. Одним из требований восстания «Черный Орел» был лозунг «долой коммунистов и Красную Армию и за башкирского короля [Заки Валидова], который уже занял много губерний и идет сюда со своей армией»¹. В этой связи находит свое объяснение тот странный для исследователей факт, что во время переписи 1920 г. большинство тептяр, мишарей и даже татар Уфимской губернии причислило себя к башкирам. Власти Малой Башкирии никак не могли повлиять на их волеизъявление, да и властям Уфимской губернии незачем было увеличивать процент башкирского населения. Словом, заполняя переписные листы, они делали свой выбор в пользу присоединения к Башкирской Республике, о чем еще в 1918 г. писало «мишарское дитя Башкортостана».

В январе 1921 г. была создана комиссия по определению границ Большой Башкирии во главе с М. Халиковым. 10 мая того же года он выступает с докладом, по обсуждению которого принимается постановление:

«а) в основу БССР берется Малая Башкирия в составе ныне существующей Башкирской республики с присоединением Златоустовского горнозаводского района, Архангельского клина, Магнитной горы и минских башкир в составе 19 волостей Белебеевского и Уфимского уездов;

б) включить в состав Башреспублики г. Оренбург;

¹ ЦАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 305. Л. 116–117.

в) включить целиком ныне существующую Уфимскую губернию с г. Уфой;

г) включить башкирские волости Мензелинского уезда по реке Ик»¹.

Конечно, не все предложения Халикова были приняты Центром, так как в состав Башкирской республики не вошел Оренбург, Мензелинский уезд, Златоуст и Магнитка, тем не менее, в общих чертах его проект был претворен в жизнь. Итогом многолетних усилий лидеров башкирского движения и волеизъявления крестьянских масс Уфимской губернии стал декрет ВЦИК от 14 июня 1922 г. «О расширении границ АБССР», юридически оформивший образование Большой Башкирии. Столица республики переносилась из Стерлитамака в Уфу, куда и переехали государственные органы автономии.

Последующие годы Муллаяна Халикова в качестве председателя Совнаркома БАССР прошли в работе над решением экономических вопросов. Право Башкирской Республики на существование уже никто не оспаривал, поэтому центр политических баталий сместился из сферы государственного устройства в область культуры. Халиков и новый председатель БашЦИК Хафиз Кушаев, несмотря на противодействие БашОбкома партии во главе с Борисом Нимвицким, выступали за безотлагательную реализацию башкирского языка как государственного наравне с русским. Прямой и бескомпромиссный Халиков был непреклонен и в этом вопросе, требуя немедленного перевода делопроизводства в государственных учреждениях в двуязычный формат.

В 1923 г. декретом СНК БАССР была создана комиссия по реализации башкирского языка, во главе которой опять стоял все тот же Халиков. Усилия не пропали даром: на следующий 1924 г. башкирский язык, наряду с русским, стал языком всех государственных учреждений — сельсоветов, кантонных учреждений, наркоматов, высших республиканских органов

¹ НГУБ. Т. 4. Ч. 1. 2008. С. 511.

власти. Борьба за реализацию башкирского языка была последней битвой Халикова, которую он, как всегда, выиграл. Новый 1925 г. стал провозвестником осени его бурной политической жизни.

В 1925 г. Халиков отзывается в Москву. Его назначают членом правления Россельбанка. В 27-ом г. – членом коллегии Наркомата финансов. В 30-ом поступает в экономический институт Красной профессуры. Столичная жизнь была, на самом деле, политической ссылкой. По окончании экономического института Муллаян Халиков трудится в управлении народнохозяйственного учета РСФСР. Здесь он и встречает роковой 1937 г. Началась великая чистка и Халиков, носивший клеймо бывшего колчаковца и участника контрреволюционной «валидовщины», вряд ли мог ее избежать.

Муллаян Халиков был чрезвычайно популярен среди простого народа, среди своих соратников по борьбе за свободу Башкирии и даже товарищей по партии. Валиди создал Башкирскую Республику, а Халиков отстоял ее в тяжелую годину гонений и красного террора. Если считать Валиди основателем 1-й буржуазной Башкирской Республики в пределах Малой Башкирии, то Халикова можно назвать основателем 2-й Республики, республики советского образца в ее современных очертаниях. Халикова с полным основанием можно считать вторым человеком после Валиди, если оценивать их вклад в становление нашей республики.

А.-З. Валиди, будучи в эмиграции, много лет спустя писал: «Этот человек стал одной из главных фигур в борьбе Башкортостана за автономию. Когда в 1923 году мы бежали за границу, он остался на родине и вынес много страданий от Советов, пока, наконец, не был казнен в 1937 году...»¹

¹ Заки Валиди Тоган. Воспоминания. Кн. I. С. 237.

О РОДИВШИХСЯ 1894 ГОДА.

بر فیزی « فصل » دنیاغہ کیلکان بالالارنی یازارغہ

قایدہ توغان	بالاننک آنا آناسیننک ہم هر ایکی طرفده بولغان باباسیننک اسمی و فامیلیه سی بولمه وقایو طائعه دان ایکانکی	قایدو آیدہ توغان	بالاننک اسمی	مذکورہ موت
آقطا و اولنہ اسکے مسجد کجاسنہ	آناسیننک بانشور رط سیدرین جان نینکیز کا ی اوغلا نا محمد بیگ سیدیم عمر قزنی -	عینوار زندا کنده	ایر عیصام الدین	۱
آقطا و اولنہ اسکے مسجد کجاسنہ	آناسیننک بانشور رط سیدرین اوغلا آناسیننک بیچریدیکه جریا نشہ قزنی	عینوار زندا کنده	قز بیجی عالیجہ	۱
آقطا و اولنہ اسکے مسجد کجاسنہ	آناسیننک بانشور رط سیدرین اوغلا آناسیننک جمال کھنڈہ قزنی - -	عینوار زندا کنده	ایرشیرین جان	۳
آقطا و اولنہ اسکے مسجد کجاسنہ	آناسیننک بانشور رط سیدرین اوغلا آناسیننک محمد سید محمد لطیف قزنی	فیرال شہید کنده	ایرول جان	۳
آقطا و اولنہ اسکے مسجد کجاسنہ	آناسیننک بانشور رط سیدرین اوغلا آناسیننک سیدرین محمد سیدرین	فیرال شہید کنده	ایر نظام الدین	۴
آقطا و اولنہ اسکے مسجد کجاسنہ	آناسیننک بانشور رط سیدرین اوغلا آناسیننک سیدرین سیدرین	فیرال شہید کنده	ایر عیصام الدین	۴
آقطا و اولنہ اسکے مسجد کجاسنہ	آناسیننک بانشور رط سیدرین اوغلا آناسیننک سیدرین سیدرین	فیرال شہید کنده	ایر شہید الدین	۶

Метрическая книга Уфимской губернии Белебеевского уезда деревни Актавой на 1894 год¹

Муж. пол. (Музаккар)	Жен.пол. (Му'аннас)	Имя ребенка (Баланың исеме)	В каком месяце родился (Кайу айда туган)	Имена и фамилии родителей и дедов с обеих сторон; из какого племени (Баланың ата-анасының һәм һәр ике тарафда булган бабсының исеме ва фамилиясы булса ва кайу таифадан икәнлеге)	Где родился (Кайда туган)
№3		Мулладжан (Ир Мулладжан)	4 февраля (фибральның 4 көнөндө)	Отец: новобашкир Давлетшах, сын муллы Ахмедшаха оглы Мать: Хадиса, дочь Мухаммад- Латифа (Атасы: яна башкорт Дәүләтшах	В приходе старой мечети аула Актау (Актау ауылында Иске мәсжид мәхәләсендө)

¹ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 9. Д. 781. Метр. кн. № 225.

				Әхмәтшах мулла улы Анасы: Хәдисә Мөхәммәтлатиф кызы)	
--	--	--	--	--	--

Опубликовано: История башкирских родов. Балыксы. Том 3. / С. И. Хамидуллин, Ю. М. Юсупов, Р. Р. Асылгужин, Р. Р. Шайхеев, И. Р. Саитбатталов, Ф.Х. Гайсина, Р. М. Рыскулов, А. Я. Гумерова, Г. Ю. Галеева, Г. Д. Султанова. – Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2014. С.43-57.